

живается в творчестве целого ряда екатеринбургских художников: А. Алексева-Свинкина, В. Кравцева, Л. Луговых, Н. Предеина.

Культурные связи между Санкт-Петербургом и Екатеринбургом представляются массовыми, интересными и могут стать предметом серьезного исследования.

С. З. Гончаров, Л. А. Павленко

ЧЕЛОВЕКОТВОРЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВА

Мы рассмотрим креативность художественной деятельности в субъективном аспекте, а именно как она повышает творческий потенциал личности, столь необходимый во всех формах самореализации субъекта. К субъективному аспекту относятся, в частности, продуктивное воображение, самодеятельность и чувство совершенства.

Человек осваивает реальность научно-теоретически, ценностно (нравственность, искусство, религия) и практически. В первом случае субъективное служит средством выражения объективных закономерностей (устойчивых связей и отношений). Во втором случае, наоборот, объективное служит средством выражения субъективных состояний. При этом реальность берется не объективно, какова она сама по себе, а в отношении ее значимости для потребностей и интересов, целей и идеалов людей, т. е. как ценность. Ценностное освоение преодолевает односторонность научно-теоретического освоения и является для человека более значимой.

Роль искусства в развитии продуктивного воображения. Искусство есть высший уровень эстетического освоения реальности благодаря своей художественности. Художественность – это воображаемое царство идей в таком их конкретном изображении и выражении, когда идея и ее индивидуальный образ находятся в гармонии: идея выражает тип, а индивидуальный образ прозрачен для восприятия идеи в силу именно его индивидуального своеобразия. Гармония идеи и ее образа воспринимается воображением. Воображение соединяет в себе понимание и созерцание, всеобщее и единичное. Такой синтез есть понимающее духовное чувство.

Величайшее культурное значение искусства заключается в развитии продуктивного воображения – пожалуй, самой таинственной способности. С одной стороны, воображение есть подсознательная сила души, а с другой стороны, оно рождает культурно значимый продукт. Продуктивное воображение есть то лоно, на котором таинственно зарождается творчество, идеалотворчество

и загадочным образом соединяются *инстинкт и идеал*, натура и культура, под- сознание и самосознание. Ф. В. Шеллинг уподоблял воображение творческой силе самой природы, которая с равным успехом деятельно оформляет естественный материал в прекрасные живые формы, будь то цветок или грациозное тело животного. Продукты природы есть имманентный синтез материи и формы. Формотворчество природы естественно и пластично выражает специфику материала. В искусстве предмет тоже обладаем имманентностью синтеза материала и формы (композиции, идеи), ибо в искусстве идея существует на своем естественном материале и органично вырастает из него, с тем существенным отличием, что предмет искусства существует в воображении, а именно в воображении художника и далее общества.

С известным основанием можно утверждать, что вся культура зиждется на продуктивном воображении. Без него невозможны ни научные теории, ни великие социальные проекты, ни молитвенный полет души. Воображение управляет чувственным восприятием, делает возможным метафоры, образы, сравнения, аналогии, мысленные эксперименты, предвидение (мысленное доразвитие предмета во времени). Оно является источником зарождения и научных понятий, как это убедительно раскрыл И. Кант. Мысль (научная, художественная, философская и др.) всегда зарождается от озарения, догадки, а догадка своим первоисточником имеет *метафору и сравнение*. У. Гарвей уподобил принцип работы сердца функции насоса и пришел к идее непрерывной циркуляции крови. Физик Нагаока сравнил расположение зарядов в атоме с системой отношений «планеты – Солнце». Образ планетарной системы был использован как структура, в которой на место прежних частей были подставлены конструкты «электрон» и «положительно заряженная сфера в центре». Экспериментальные данные внесли запрос на более точную аналогию. Конкретизируя конфигурацию зарядов в атоме, Нагаока избрал затем в роли аналога электронных орбит вращающиеся кольца Сатурна. Соединив эту сеть отношений с конструктами электродинамики, он получил «гипотетическую модель строения атома» [9, с. 108]. Так как кольца Сатурна здесь важны только в качестве аналога структуры атомных зарядов, то наглядный образ редуцируется до рациональной схемы, которая конкретизируется в понятие. Понять что-либо – значит построить его в акте воображения, сконструировать предмет в стихии активности Я. Все обобщения теоретических знаний об электричестве и магнетизме Максвелл осуществил применением гидродинамических и механических аналогов. Теоретические схемы и уравнения механики сплошных сред переносились в электродинамику. Затем «в аналоговые модели на место трубок с идеальной жидкостью, источ-

ников и стоков жидкости, вихрей в механической среде и т. д. подставлялись заряды, электрические и магнитные силовые линии, дифференциально малые токи, заимствованные из теоретических схем Ампера, Фарадея, Кулона и др.» [10, с. 236]. Метод аналогового моделирования, как полагает В. С. Степин, есть «универсальный прием выдвижения обобщающих гипотез» [10, с. 239]. Данный метод сводится в итоге к *отождествлению различного*.

Новое знание возникает в процессе научного поиска, когда мышление находится в противоречивом состоянии: факты заземляют его до наличной ситуации, цель поиска (решение проблемы) ориентирует на выход за рамки наличного к новому знанию. Противоречие между сущим и должным разрешается в пределах *отождествления различного*. Это отождествление включает в себя эмпирические данные для теоретического уяснения (чувственно-конкретное содержание) и модельную аналогию (становящееся абстрактное содержание), которая может стать началом решения проблемы. Научный поиск движется вперед путем выдвижения модельных аналогий. В их качестве выступают или теоретические схемы разных наук, или образы из искусства, или эмпирические данные из различных сфер опыта. Например, «конфигурация зарядов в атоме \approx кольца Сатурна». Знак подобия (\approx) означает как раз работу воображения.

Мощь воображения заключается в его способности *соединять противоположности* (чувственное и рациональное) и схватывать в единичном всеобщее, в различном – тождественное, в многообразии – единство, в изменчивом – устойчивое, в случайном – необходимое. Без такого схватывания мышление невозможно. Восприятие само по себе обрекает субъекта на простые операции – располагать одно рядом с другим (в пространстве) или одно после другого (во времени). Атрофию продуктивного воображения И. Кант квалифицировал как «глупость», т. е. неумение применять общее правило согласно изменившимся обстоятельствам, тем более *моделировать сами общие правила*. Такая атрофия выражается в *репродуктивном* способе деятельности: субъект привыкает жить согласно навязанным извне правилам и нормам и тиражирует общие штампы.

Подобно тому как изучение *философии* есть лучший способ развития *понятийного мышления*, так и усвоение *искусства* (особенно литературы и поэзии, в которых материал дан не во внешнем восприятии, а в воображении) есть *самый эффективный способ развития продуктивного воображения*. Это весьма убедительно изложил Э. В. Ильенков [2].

Красота как образное выражение свободы. Так как художественный образ непосредственно существует в воображении, то сама его идея свободна от телесных деформаций и предстает как эталон, как нечто *превосходное в своем*

роде, как некое совершенство, как «эйдос» у Платона. Вероятно, таким бытием идеи, свободным от тягот материи, объясняются и муки творчества, и феномен красоты, и тайна искусства. Воплощение идеи в материале есть ее отпадение от совершенства, но художник ищет такое изображение идеи, которое было бы адекватно его личному созерцанию идеи. Искусство – сфера самодетельности.

Самодетельность формирует творческие способности потому, что она, во-первых, есть свободная и самонаправленная деятельность, изменяющая сами схемы деятельности, во-вторых, развивает самоопределение лиц, необходимое для творческого акта, в-третьих, порождает диалектическое мышление, свободное от односторонних крайностей, в-четвертых, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс, в-пятых, содействует общению, просторно для самореализации человека как субъекта собственного жизненного процесса.

Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, зависимой от внешних мотивов. В самодетельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*. Изменять же схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их на внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самодетельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодетельности*. За внешним отношением к предмету он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к *человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [7, с. 121]. Поэтому «человек есть самоустремленное (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством самоустремленности» [7, с. 160].

В самодетельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхода за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такой выход осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения

и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу, самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общинтересной новизны.

В самодеятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения мира человеком, как научно-теоретического, так и ценностного. Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые не поддаются восприятию. Мыслить – значит связывать явления внутренней связью. Связь между явлениями восприятию не дана, она устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самодеятельности» [6, с. 165]. Субъект сам порождает возможную модель внутренних связей, исходя из фактов.

Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Мысль К. Маркса о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты», цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой* [7, с. 94]. Связующим здесь является *свобода, свободное самоопределение*. «Умение формировать материку... сообразно ее собственной необходимости и мере... рождает и субъективное чувство красоты. Это чувство сопровождает акты действительного свободного формирования природы (как в реальной практике, так и в плане представления, в воображении, в фантазии), а потом, будучи развито, оказывается и субъективным критерием “свободной” деятельности» [2, с. 246]. Ведь формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, т. е. *самоопределяться*. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. *Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора.* «Чувство красоты, – отмечал Э. В. Ильенков, – сопровождает свободу воображения, когда воображение рождает идеальную форму предмета, согласно его чистой мере» [1, с. 250–251]. Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*. Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при

этом свобода выражена в *образном виде*, как нечто внешнее, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения» [1, с. 225]. Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который и в реальности улавливает подобный феномен. Свободное самоопределение развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного, т. е. эстетическим вкусом. Бескорыстное свободное самоопределение есть общая основа нравственности и искусства, добра и красоты. Так как самоопределение наиболее доступно, дано каждому в нравственности («автономии человеческого духа»), то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Нравственная красоты – высшая форма красоты. Возвышенное тоже наиболее впечатляюще выражено величием характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. Неслучайно И. Кант сопрягал звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. И наоборот, предмет воспринимается *безобразным*, если он воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру наших духовных сил. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм, ни религиозный настрой души.

Тайна художественности. При конкретном осмыслении искусства обнажается его *тайна*, она проявляется *всегда* частично, силуэтно, как солнце сквозь некие облака. Тайна всегда не «выговорена» целиком. Внешние ее обнажения в камне, краске, графике, звуках, поэтическом образе намекают на тайну, но не раскрывают полностью. В тайне художественного образа кроется самая увлекательная загадка искусства. Тайна заключается во внутреннем содержании, которое есть развернутое выражение *идеи* художественного образа. Идея же улавливается художником в актах продуктивного воображения и всегда предстает как нечто духовное, как вестник божественного излучения. Созерцание и переживание идеи возможны в состоянии *вдохновения*. А вдохновение всегда есть *благоговение перед совершенством*. И если попытаться отбрасывать с тайны вуаль, то можно приблизиться к ее *алтарю*. В алтарь входят только

«священники» от искусства, его *гении*, которые прорицают тайну, и она является в музыке П. И. Чайковского, поэзии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева...

В ее проявлениях можно уловить отблески того света, который царит в алтаре. Это – свет *совершенства*. Он доступен только духовному созерцанию, которое соединяет в своем содержании аксиологический (ценностный) синтез «сердца» и логический синтез мышления. Дух, в его классическом философском и религиозном понимании, и есть «любовь к совершенству». Совершенство – это содержание духа, а любовь – адекватный способ приятия такого содержания.

Совершенство было и остается центром аксиологических исканий в классической философии, будь то благо у Платона, образ Божий у Августина Аврелия, идея в полноте своих определений у Гегеля, конкретная аксиология И. А. Ильина или иерархический персонализм Н. О. Лосского.

Совершенное содержание жаждут по-своему ученые и художники, философы и праведники, миллиарды духовно зрячих людей. Обрести совершенное – этому посвящены самые важные евангельские Заветы: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «любите друг друга». Совершенное вдохновляло Платона и Плотина, А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, И. А. Ильина и Н. О. Лосского. Свет совершенства струится из творений классиков культуры и благородных поступков; он благодатно питал русскую классическую музыку и живопись, литературу и поэзию, философию и православие.

Совершенство как *гармония истины, добра и красоты* постигается целостным актом – мышлением, волей и чувствами. Как однородный солнечный луч преломляется в многообразии цветов, так и чувство совершенства выражается в спектре положительных качеств – любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и художества, справедливости и солидарности, окрыленной веры как иммунной системы души от деструктивной социальной реальности. Совершенство – это *генетический источник* всех последующих и конкретных положительных ценностей и качеств личности. В работах классиков русской философии (И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева и др.) совершенство понимается и как атрибут Бога, явленный в Его творениях как меры в превосходной степени, отображаемые мышлением как *истина*, созидаемые волей как *добро* и созерцаемые как *красота*.

Дух есть *любовь к совершенному*, объективно лучшему содержанию, воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им. «Быть духом –

значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности» [3, с. 56].

Совершенное есть качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенство существует *адекватно*, как знающее себя, как «для-себя-бытие». Меры вещей существуют в сфере духа *идеально*, без материи, они *свободны от телесных деформаций* и представлены в превосходном роде. *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны.*

Совершенное познается себе подобным, совершенным же чувством – любовью. Любовь есть непосредственное, *художественное* переживание совершенства, она учит нас увидеть лучшее, избрать его и жить им. Любовь направляет мышление к объективной истине, волю к добру, созерцание к красоте, а веру к абсолютному, священному и божественному. Если любовью совершенное обретается эмоционально-целостно, то верой – духовно-целостно. Срастаясь воедино, основные продуктивно-творческие силы (любящее сердце, воображение и созерцание, мышление и воля, одухотворенная вера и совесть) образуют *целостный духовный акт*, в котором «соло» каждой из них дополняется «хором» всех остальных; возникает «симфония» духа, дарующая полноту миропереживания и миропонимания, произвольное творчество и радостную самореализацию.

Цельный дух начинает прозревать за «корой явлений» тот свет совершенства, который по-своему выражают небесная лазурь и лепестки цветка, грациозное движение животного и трели птахи, духовное парение художника в музыке и поэзии, гармония математических соотношений и логика научных понятий, благородный поступок и справедливое право.

Как внешние органы чувств, дополняя друг друга, порождают целостный чувственный образ, так и основные духовные силы, взаимообогащая друг друга разной духовной модальностью, позволяют обрести *целостное* мировоззрение, свободное от односторонних крайностей. Разъединение духовных сил порождает «частичный» духовный акт и одномерное истолкование реальности: мышление в отрыве от воображения, совести и любви создает картину механической Вселенной, фабрично-заводской или рыночный взгляд на человека; воля сама по себе утверждает одну дисциплину и организацию, полицейское государство; воображение вне идеала разнуздывает инстинкт и эстетизирует пороки, вера вне мышления и любви впадает в химеры и галлюцинации.

Совершенство субъективно переживается как нечто *абсолютно значимое* в своем превосходстве. Оно порождает *вдохновение и восторг, верность и ответственность перед совершенством, служение ему*. Вдохновение движет творчеством. Но само вдохновение есть *благоговение перед совершенством*. Творчество, акмеология личности производны от совершенства.

Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.

Религия культивирует дух совершенства, исходя из его *абсолютного* первоисточка, из *божества*. В культуре дух совершенства воплощается в зримые образцы – *эталоны* человеческой субъективности. Культура начинается там, где «духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму» [4, с. 291]. И. А. Ильин в своем фундаментальном исследовании убедительно обосновывает основополагающее значение *совершенства*. «Любовь к совершенству, – подчеркивал он, – не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий – Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством» [3, с. 97]. Религиозный опыт, как и идеалотворчество в культуре, при всем его многообразии заключается в воле к совершенному, в *благоговении* перед ним и в *верности* ему.

Любовь к совершенству есть «лоно творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости» [3, с. 66]. Укореняя свою душу в идеал объективно лучший и объективно сущий, человек соединяет инстинкт с идеалом, гасит гордыню, обретает духовное самостояние, самоопределение и самоуправление на основе абсолютных ценностей, духовное достоинство, чувство качества и верного ранга, призвание и смысл жизни. Цветение русской культуры изошло из корней православия потому, что оно окормляет души светом совершенства Божия и даром любящего сердца, т. е. объективно лучшим содержанием и субъективно верным актом приятия этого содержания. Русская культура цвела тогда, когда народ искал «не силы, а совершенства, не власти, а любви, не пользы, а Бога». А когда «дух ищет совершенства», тогда «начинается культурное цветение религиозно захваченного народа» [3, с. 59].

Аксиологический синтез продуцирует ценности, а не понятия. Ценности избираются не мышлением, а чувствами. Мышление обосновывает ценности. Чувства бывают внешние и внутренние, духовные. Первые порождаются физическим воздействием, а вторые *возникают от переживания значений*, например, радость, восторг, презрение, уважение и т. п.; они – *понимающие чувства*, («чувства-теоретики») (К. Маркс). *Сердце есть сосредоточие духовных чувств*. «Сам ты, – писал Г. С. Сковорода, – есть твое сердце..., истинный человек есть сердце в человеке» [8, с. 142]. «Сердце есть, – отмечал П. Д. Юркевич, – сосредоточие душевной и духовной жизни человека, скрижаль, на которой написан естественный нравственный закон. Мир как система явлений жизненных, полных красоты и знаменательности существует и открывается первое всего для глубоко сердца и отсюда уже для понимающего мышления, лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» [11, с. 69]. «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно, и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности» [5, с. 420].

Мышление синтезирует явления со стороны *формы, отношений, структуры*; «сердце» синтезирует явления в аспекте их значимости для человека на основе *однородного чувства совершенства*. Аксиологический синтез проявляется в *нравственной, эстетической и религиозной формах*. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроением души скрывается их глубинная основа – *однородное чувство совершенства*. Это чувство есть корень религии, нравственности и эстетического отношения. «Религиозная вера горит именно тогда, когда она есть проявление свободной любви к безусловному совершенству» [2, с. 56]. Если совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, то нравственной воле как *добро*, эстетическому созерцанию как *красота, прекрасное*, мышлению – как истина. *Сердце и разум, соединенные в духовном созерцании, есть два крыла творческого взлета и парения личности в «солнечных пространствах» прекрасных значений*.

Воля к совершенству захватывает все существо человека, благодатно питая все духовные проявления: «и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание и его патриотическое чувство, и его государственное строительство» [3, с. 58–59]. Созревшая до волевого акта, любовь к совершенному, сообщает духу энергию творчества, и дух предстает как практическая сила: как вдохно-

венный труд и напряженная борьба, как самостояние и самообладание, как самостроительство и самоуправление, как характер. «Человеческий дух по самому существу есть самостоятельный творческий центр: центр любви и созерцания, совестная воля, субъект права, созерцающий художник, верующее сердце, Божий слуга. В этом состоит сама природа духовности, в этом – призвание и достоинство человека» [3, с. 59]. И вот этот автономный центр психики, в котором пульсирует дух совершенства, есть абсолютная основа душевного здоровья, которую не размоют ни внешние житейские бури, ни психические аффекты, ни современные сирены вседозволенности. Такой душе не грозит «многоцентрие», ибо она своей духовной вершиной незримо соединена с абсолютным центром всего сущего и всякой жизни.

Подобно тому, как апперцепция есть основа единства логического сознания, так и однородное чувство совершенства есть основа аксиологического синтеза и единства всего ценностного сознания. В воспитании ценностного сознания синтез сердца является базисным. Особенностью духовного акта русской культуры является первенство аксиологического синтеза над логическим, сердца – над рассудком. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [4, с. 329]. Односторонность сциентизма (абсолютизации науки) состоит в отвлечении от аксиологического синтеза сердца, что характерно для современной бессердечной технической цивилизации.

Душа есть посредник между телом и духом, она – «тонкое тело» духа и так же нуждается в окультуривании (улучшении), как внешнее тело человека и земельный участок в саду. Чтобы окультуривать душу, надо *выйти из поля ее тяготения, не растворяться в ее состояниях и укоренить ее в наддушевное, духовное содержание – в родное и сокровенное, в совершенное и абсолютное.* Такое содержание есть идеал должного совершенства, достойный духовной сущности человека и гармонизирующий подсознание и сознание. Подсознание есть сфера инстинктивных влечений, «ночных сил» души. Сознание же – надприродное образование в форме системы социально важных общих значений. В душе возникают противоречия между природно-психическим и социальным. Социальные нормы обращены к сознанию и часто репрессивны к подсознанию. Гармонизация возможна благодаря посреднику, который находится одновременно в подсознании и сознании. Таким посредником выступают воображение и любовь. *Устремленные на совершенный идеал, они возвышают (сублимируют) природно-психическое до социального, натуру до культуры, инстинкт до идеала, расширяя сферу целесообразного действия инстинкта.* Без идеала нет сублимации, а есть «профанация» – понижение ранга ценностей и разнуздание

инстинкта. Идеал своим *совершенным* содержанием одухотворяет инстинкт и вовлекает могучие резервы подсознания в *культурное творчество*. Инстинкт же сообщает идеалу жизненную конкретность и действенность.

В современных условиях банализации всей жизни, включая эротику, гармонизация психики молодых людей на основе образов должного совершенства *силами искусства* является актуальной задачей. И ничем незаменимым является искусство в *гармонизации подсознания и сознания, в развитии продуктивного воображения, чувства совершенства и умения соединять противоположности в акте духовного созерцания, в творческом синтезе инстинкта и идеала, женственности и мужественности*. Увлекая душу в мир совершенных содержаний, искусство тем самым возвышает ее до духовных состояний. Креативность совершенства в воспитании духовности личности состоит в том, что совершенство есть *абсолютная* ценностная основа духа и всех его проявлений (духовности), *единое* основание аксиологического синтеза в нравственном, эстетическом и религиозном освоении мира человеком. Совершенство, будучи предельной основой положительных ценностей, сообщает субъекту *созидаемость в добре, а не во зле*. Совершенство, став содержанием духа, соединяет главные творческие силы субъекта в *целостный духовный акт* и тем самым сообщает личности *творческую продуктивность*, страуя от односторонних крайностей в теории и практике. Совершенство порождает благоговение и вдохновение, а значит и *расцвет* личности в творческой самореализации, т. е. имеет *акмеологическую* природу, дарующую душевное здоровье. Развивая в актах самодеятельности продуктивное воображение, свободное самоопределение и чувство совершенства, искусство порождает тем самым надежную основу для творчества, будь то наука, общение, профессиональная и гражданская деятельность личности.

Библиографический список

1. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968.
2. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. ст. по философии и эстетике. М., 1984.
3. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
4. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.
5. Ильин И. А. О русской идее // Соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 1.
6. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.

8. *Сковорода Г. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
9. *Степин В. С.* Становление научной теории. Минск, 1976.
10. *Степин В. С.* Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного знания: Логико-методологический аспект. Минск, 1979.
11. *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М., 1990.

Е. И. Долбиненко, Л. С. Приходько

ВОСПИТАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

Экологическая культура, являясь частью общечеловеческой культуры, определяет характер и качественный уровень отношений между человеком и социоприродной средой, проявляется в системе ценностных ориентаций, мотивирующих экологически обоснованную деятельность, и реализуется во всех видах и результатах человеческой деятельности, связанных с познанием, использованием и обоснованным преобразованием природы и общества.

Критерием ее сформированности является экологически обеспеченная деятельность личности в социоприродной среде.

Специалистами определены четыре показателя экологической культуры:

- система экологических знаний (естественнонаучные, ценностно-правовые, практические);
- система экологических умений и навыков (оценочные, исследовательские, поведенческие, природоохранные);
- экологическое мышление (понимание гармонии общества и природы, забота о здоровье);
- культура чувств (сочувствие, сопереживание).

В настоящее время человечество в очередной раз оказалось на грани цивилизационного кризиса. Сформировавшаяся к концу XX в. техническая цивилизация, динамичная и подвижная, ориентированная на количественный рост показателей развития, подошла к своим критическим рубежам. Обозначились и продолжают интенсивно углубляться те глобальные проблемы, которые принято называть *экологическими*. Эти проблемы носят антропологический характер и связаны с технократической парадигмой как моделью развития цивилизации. Наиболее явно проявляются они в больших промышленных городах, к которым принадлежит и Екатеринбург.

В контексте проблем современной цивилизации одной из стратегических задач системы образования становится задача формирования личности с высо-